

Говоря о возникшем вокруг ядерной программы Северной Кореи кризисе, прежде всего надо иметь в виду, что он является вполне логичным результатом развития ситуации на Корейском полуострове за последние десять лет. И дело не только в том, что как с политической точки зрения, так и с точки зрения целей сторон-участниц нынешнего кризиса, он является продолжением Первого корейского ядерного кризиса 1994 г., который закончился известными соглашениями в рамках KEDO. Невыполнение этих договоренностей Соединенными Штатами в настоящее время является главным объяснением отказа руководства КНДР от их соблюдения и официальной причиной для возобновления ядерной программы. Ситуация на Корейском полуострове, которая в период холодной войны считалась полностью «замороженной», в 1990-е гг. уже давно приобрела динамичный характер, в котором силовые инструменты играют весьма существенную роль.

СИТУАЦИЯ В РАЗВИТИИ

Было бы очень наивно полагать, что Пхеньян пошел на *педалирование* данного кризиса только лишь из стремления решить некоторые частные задачи в области энергетики и получить дополнительную экономическую поддержку. Вероятно, планы Пхеньяна гораздо более широкие и долгосрочные. Поэтому мысли о том, что Пхеньян будет стремиться втянуть США в краткосрочную торговлю, а затем, получив незначительного отступно-го, согласится легко вернуться к статус-кво, могут оказаться ошибочными.

Если говорить в общем, то процессы, происходившие на Корейском полуострове в последние 10 лет, можно было бы рассматривать в качестве попыток руководства Северной Кореи выйти из состояния полной международной изоляции и стать важным участником в системе коллективной безопасности и экономического взаимодействия в Восточной Азии. Действительно, еще 15 лет назад КНДР не оказывала существенного воздействия на систему международных отношений. Интерес к контактам с северокорейским режимом у основных игроков системы международных отношений (США, Японии, Европейского союза) был минимальным, и исключение составлял только Китай, для которого отношения с КНДР были важны, поскольку Северная Корея играла роль стратегического буфера между ним и государствами, связанными с США отношениями в области безопасности (Южной Кореей и Японией). Более того, все основные игроки на международной арене ждали относительно быстрого коллапса режима в Пхеньяне и рассуждали о методах предотвращения гуманитарной катастрофы на севере полуострова. Теперь все изменилось. Пхеньян постоянно посещают делегации из европейских стран, Японии и США, не говоря о представителях южнокорейской элиты, которые обсуждают

не только поставки гуманитарной помощи (что само по себе важно для КНДР), но и включение Северной Кореи в важнейшие региональные экономические проекты. Одним из таких проектов является создание Транскорейского транспортного коридора с выходом на Транссибирскую магистраль.

Таким образом, можно прямо констатировать, что за последние 10 лет Северная Корея добилась существенных успехов в выводе страны из международной изоляции, причем не поступившись ни йотой национального суверенитета, а также сохранив полный контроль партийных структур над внутренней ситуацией в стране. Существенным фактором в изменении ситуации вокруг КНДР и статуса этого государства в системе международных отношений стала ядерная программа Северной Кореи. Таким образом, и нынешний кризис вокруг ядерной программы КНДР следует рассматривать именно в таком долгосрочном контексте.

Начавшийся весной 2003 г. новый корейский ядерный кризис стал результатом вполне продуманных действий со стороны северо-корейского руководства, решения которого вообще отличаются продуманностью, рациональностью и плановостью. Кризис произошел на фоне трех основных процессов, касающихся ситуации в Восточной Азии.

Во-первых, возобновились активные разговоры на уровне элит Северной и Южной Кореи о возможных сценариях объединения двух государств, тем более, что значительная часть работы по снятию взаимного недоверия и напряженности в обществе уже пройдена. Дальнейшего политического сближения объективно требует и развитие уже заявленных совместных экономических проектов. Например, упомянутого Транскорейского транспортного коридора, который возможен только при условии полного снятия военного противостояния и наличии существенного прогресса в политических отношениях. В противном случае не только Северная, но и Южная Корея рискует опоздать к началу нового витка экономического роста в Восточной Азии. Но дальнейшее политическое сближение Северной и Южной Кореи сдерживается не только идеологическими разногласиями, но и позицией руководства спецслужб и вооруженных сил Южной Кореи, которые воспитаны в духе реваншизма и ориентируются на США. Задача северо-корейского руководства и его, как выясняется, многочисленных партнеров и союзников на юге страны заключается в том, чтобы дискредитировать значение силового потенциала США как гаранта неприкосновенности режима на юге и доказать южнокорейской элите, и, прежде всего, руководству крупнейших южнокорейских машиностроительных корпораций «чеболей», что единственным вариантом сохранения их места в политическом процессе и неприкосновенности собственности является диалог с Северной Кореей как минимум на равных.

Во-вторых, в самой КНДР начинается крайне интересный процесс создания механизма передачи власти от Ким Чен Ира его младшему сыну Ким Чон Чену. Успешное завершение этого процесса фактически приведет к созданию классического монархического режима (что очень характерно для Кореи в принципе), ослаблению роли партийно-бюрократических структур и повышению стабильности в обществе. Более того, превращение (за 20 лет) северо-корейского режима из тоталитарно-коммунистического в монархический создаст целый ряд явных «конкурентных преимуществ» по сравнению с системой власти в Южной Корее, которая отличается нестабильностью, отсутствием долговременной легитимности (при наличии легитимности кратковременной) и которую в последнее время сотрясали многочисленные коррупционные скандалы, тяжело ударившие по авторитету государственной власти Южной Кореи. Однако Ким Чен Ир в условиях проведения знаковых внутренних реформ, начатых летом–осенью 2002 г., не обладает сейчас достаточными возможностями для того, чтобы хотя и постепенно, но открыто трансформировать коммунистический режим в монархический.

В-третьих, сегодняшняя ситуация на Корейском полуострове развивается на фоне откровенного обсуждения в США возможности силового давления, вплоть до применения вооруженной силы против так называемых «государств-парий», особенно тех, которые,

по мнению США, проводят некие подозрительные исследования в области оружия массового уничтожения. Северокорейское руководство вполне логично предположило, что после ожидавшейся еще с лета 2002 г. операции против Ирака, которая была обусловлена для США прежде всего внутривнутриполитическими причинами, Вашингтон может перейти к силовому давлению на КНДР, которое, если и не приведет к силовой акции США, то в условиях их абсолютного доминирования в системе международных отношений и отсутствия у КНР, Европейского союза и тем более – России политической воли и стремления противостоять Вашингтону, девальвирует практически все достижения северокорейской дипломатии за последние десять лет.

Таким образом, можно предположить, что возникновение Второго корейского ядерного кризиса было обусловлено стремлением северокорейского руководства и лично Ким Чен Ира использовать управляемый – причем управляемый из Пхеньяна, а не Вашингтона – кризис для того, чтобы, решив несколько частных экономических задач в сфере энергетики, существенно укрепить положение КНДР в процессе межкорейского диалога и их отношений. И толчком к данному кризису для северокорейского руководства была уверенность, что США не имеют достаточных ресурсов для одновременных силовых операций на трех фронтах (Афганистан, Ирак, Корейский полуостров) и смогут перейти к накоплению сил на Корейском полуострове, чтобы создать убедительную угрозу возможной силовой акции против КНДР не ранее осени 2003 г. А затягивание напряженности с неопределенным исходом до начала президентской кампании в США (которая будет реальным фактором внутренней обстановки уже с мая 2004 г.) будет крайне невыгодным для действующего президента Соединенных Штатов с учетом неоднозначного эффекта иракской войны.

С этой точки зрения крайне интересным является поведение северокорейской элиты в нынешнем ядерном кризисе. Ведь реалии Восточной Азии традиционно требуют уделять внимание не только и не столько тому, что делается, а тому, как это делается. Особенно это касается поведения северокорейского руководства, которое своими внешнеполитическими действиями, присутствием или отсутствием в них неких деталей посылает сигналы основным участникам мирового политического процесса, прежде всего США и странам Европейского союза.

Фактически нынешний кризис вокруг северокорейской ядерной программы имеет три принципиальных поведенческих разреза: с одной стороны, Пхеньян стремится ничем не осложнить свои отношения с европейскими странами, более того, демонстрирует заинтересованность в том, чтобы присутствие европейских стран в различных проектах по контролю и трансформации ядерной программы КНДР было бы увеличено. То есть в рамках нового раунда силового балансирования вокруг ядерной программы Северная Корея откровенно рассчитывает на расширение присутствия стран ЕС. Иными словами, новый кризис является для Пхеньяна средством получить дополнительные возможности в диалоге с Южной Кореей, в рамках которого европейские страны будут выступать своеобразным противовесом США. Хотя очевидной неудачей Пхеньяна на этом пути следует считать то, что ни один из влиятельных участников мировой политики не признал вынужденный характер шагов Пхеньяна по выходу из соглашений по прекращению ядерной программы, на что там очень рассчитывали. Фактически Пхеньян столкнулся с консенсусной негативной позицией мирового сообщества, и даже Пекин не пошел на то, чтобы хотя бы косвенно поддержать северокорейское руководство. Это означает, что Пхеньян вряд ли может рассчитывать на получение моральных симпатий в споре с США.

С другой стороны, и Пхеньян пока никак не обозначил в своих действиях фактор особых отношений с КНР. Ранее долгосрочного партнерства с КНР и возможности перерастания конфликта на Корейском полуострове в многостороннее столкновение с участием и США, и КНР этот фактор являлся важным элементом стратегии Пхеньяна. Теперь же Пхеньян выступает подчеркнуто самостоятельно (хотя очевидно, что рассчитывает на поддержку Пекина в случае крайней необходимости), что, вероятно, связано со стремлением закрепить себя в качестве полностью самостоятельного участника процесса

дипломатической игры в Восточной Азии, интересы которого отличны от интересов КНР. Однако одновременно это может быть проявлением опасений, что КНДР может стать «разменной монетой» в отношениях между США и КНР. КНДР хочет вести торговлю напрямую с Вашингтоном.

Наконец, важнейшим поведенческим фактором является стремление Пхеньяна развивать ситуацию в атмосфере максимально возможной неопределенности. Заявив о своем отказе выполнять ранее достигнутые договоренности по прекращению ядерной программы, КНДР сформулировала свою позицию максимально общо. В частности нет однозначных формулировок относительно возможности переключения имеющихся мощностей на реализацию военной части программы. А главное – Пхеньян фактически не сформулировал требований, выполнение которых приведет к восстановлению статус-кво. При том, что с рациональной точки зрения понятно, что у КНДР нет достаточных ресурсов для того, чтобы в ускоренном темпе создать ядерное взрывное устройство (и таким образом политически нынешний кризис вряд ли связан со стремлением получить действующий ядерный боеприпас), а конкретное состояние ядерной программы КНДР совершенно неясно. На дальнейшую стимуляцию ощущения неопределенности рассчитано и исчезновение с началом кризиса фигуры Ким Чен Ира из публичного информационного оборота. Даже если это связано с обострением борьбы за власть внутри КНДР, нельзя не отметить, что данное обстоятельство весьма органично вписано в общую информационную картину вокруг корейского ядерного кризиса. Это не может не рассматриваться в качестве источника угрозы. Нельзя не отметить, что менее туманная формулировка целей и задач нынешней активизации северокорейской ядерной программы могла существенно смягчить реакцию со стороны США и ЕС, а особенно – Японии. Таким образом, Пхеньян совершенно сознательно вводил в кризис силовой элемент, создавая хотя бы и потенциальную, но основанную на некоторых военно-технических возможностях применения ОМУ в регионе ситуацию.

Если говорить о возможных сценариях развития обстановки вокруг северокорейской ядерной программы, то, вероятно, ситуация будет развиваться по трем основным сценариям.

Сценарий 1. Замирение за счет новых уступок со стороны США в пользу КНДР

Реализация данного сценария является реальной целью руководства КНДР в нынешнем кризисе. Начало нового политического диалога и возвращение ситуации в рамки существовавшего до инициирования кризиса при уступках, даже связанных с предоставлением КНДР дополнительной финансовой помощи, статус-кво будет означать для США фактическую «потерю лица» и первый шаг к утрате в глазах южнокорейской элиты своего имиджа гаранта стабильности и безопасности Южной Кореи. Однако для реализации этого сценария Пхеньяну необходимо для начала втянуть США и иных международных посредников в «конструктивный диалог», который переведет ситуацию в «вялотекущее» русло. Очевидно, что КНДР в своих расчетах исходила из того, что в нынешнюю эру невозможно будет обеспечить полное единство мирового сообщества и что если по иракскому вопросу (где исход кризиса и войны был в целом предрешен) возникла серьезная полемика, то уж по вопросу о возможности применения военной силы против Северной Кореи для обеспечения ее безъядерного статуса по целому ряду причин потенциал единых действий будет еще меньше. Однако для реализации такого сценария необходимы два условия: во-первых, «увязание» США в вооруженных конфликтах в Афганистане и Ираке (где даже с учетом относительно быстрого окончания боевых действий предстоит долгий и, возможно, болезненный реконструктивный период), при котором нельзя будет сформировать убедительный военный потенциал в районе Корейского полуострова, а во-вторых, формирование широкой коалиции международных посредников (вероятно, в лице ЕС, а возможно и России), которые бы эффективно предотвратили силовую акцию со стороны США (прежде всего через давление на руководство Южной Кореи). Пока убедительных подтверждений возможности такого развития событий нет.

Сценарий 2. Усиление напряженности при ограниченном политическом диалоге

Сценарий означает, что США отказываются от проведения вооруженной акции против КНДР, однако не идут на уступки северокорейскому руководству. Возможно увеличение американского военного присутствия на территории Южной Кореи. Северная Корея со своей стороны будет проводить акции, демонстрирующие серьезность ее намерений. Например, осуществлять дальнейшие испытания баллистических ракет и проводить ограниченные силовые демонстрации. То есть ситуация «примораживается» до изменения внешнеполитической конъюнктуры, а также положения в самих США. Вполне вероятно, что администрация США решит «заморозить» ситуацию до следующих выборов. В действительности данный вариант является довольно опасным, поскольку, с одной стороны, дает возможность КНДР проводить военные ядерные исследования и вообще полностью вывести свои военные программы из-под международного мониторинга, а с другой, при большинстве политических условий является все же переходной фазой к началу реальных боевых действий. Например, сигналом к переходу конфликта на силовую стадию может стать решение об экономической и политической изоляции КНДР. Деэскалация кризиса в случае его развития по Сценарию 2 возможна только при условии формирования новых рамок диалога по военно-силовым вопросам на Корейском полуострове.

Сценарий 3. Силовая акция США

Данный сценарий не является вероятным в обозримой перспективе. США не имеют возможности в ближайшие полгода сформировать группировку, способную эффективно вести боевые действия против северокорейской армии. Хотя вероятно, что политическая легитимизация такой операции может встретить меньше сложностей, чем в иракском случае. Но главная проблема этого сценария заключается в том, что, в отличие от С. Хусейна, северокорейское руководство и с военной точки зрения, и с точки зрения наличия политической воли вполне готово к превентивному вторжению на территорию Южной Кореи для того, чтобы не допустить спокойного и планомерного формирования на ее территории «армии вторжения» США и их союзников. Хотя очевидно, что Пхеньян не нацелен однозначно на силовой вариант развития ситуации, напротив, КНДР заинтересована в сохранении как можно более длительное время режима «торговли» с США. Предположить, насколько потенциально возникающий конфликт будет ограниченным или тотальным, а также в какой мере Пхеньян решится на расширение ареала конфликта (например, попыткой применения ракетного оружия на территории Японии), пока сложно. Все будет зависеть от общей ситуации в мире.

Одним из факторов, который определит характер развития обстановки вокруг северокорейской ядерной программы, является состояние основных международных организаций. В настоящее время много говорится о возможном коллапсе ООН и прекращении функционирования Совета Безопасности в той форме, как это было на протяжении последних пятидесяти лет. В данном случае речь не идет о санкционировании военной акции против КНДР. После начала иракской войны в соответствии с собственным политическим решением данный вопрос для США не имеет прикладного значения. Главная проблема заключается в том, что одним из реальных факторов, который определял характер отношений вокруг северокорейской ядерной программы было МАГАТЭ. Однако политическая система гарантий МАГАТЭ не существует вне деятельности ООН и, в частности, Совета Безопасности. Поэтому если не произойдет каких-то неожиданных политических сдвигов, можно предположить, что МАГАТЭ не сможет играть в ситуации вокруг корейской ядерной программы столь же активной роли, как это было раньше. Отчасти это связано с катастрофическими для Агентства политическими последствиями иракского кризиса и стремлением США обеспечить полную лояльность МАГАТЭ в том числе и путем смены руководства.

В частности, МАГАТЭ, даже если в Агентстве и не будет происходить тектонических кадровых и организационных сдвигов, может не смочь выполнять роль арбитра, который

принимает решение о том, насколько ядерная деятельность КНДР нарушает достигнутые договоренности. МАГАТЭ также будет весьма ограничено в возможностях проводить инспекции на северокорейских ядерных объектах, тем более, что методика международных инспекций в принципе дискредитирована американской ситуацией. А значит, оказываются крайне слабыми механизмы обеспечения деэскалации кризиса. То есть, деэскалация кризиса может быть достигнута, прежде всего, через механизмы двустороннего взаимодействия КНДР и США, в которых роль экономических спонсоров (если все же будет достигнуто решение о развязке кризиса прежними методами) будут играть ЕС и Япония. Однако это нанесет крайне тяжелый удар по механизмам глобального нераспространения ядерного оружия, поскольку они органически являются элементом многосторонней дипломатии, а не двусторонней.

Многие специалисты и политики говорят о том, что Соединенные Штаты в рамках концепции силового «экспорта демократии» вполне способны в ограниченные сроки после окончания войны в Ираке, пользуясь внешнеполитическим карт-бланшем, полученным президентом Дж. Бушем в результате победы на С. Хусейном, начать подготовку к проведению силовой операции по установлению контроля если не над всей территорией КНДР, то над основными объектами ядерной инфраструктуры. Однако ситуация выглядит куда более сложно. И дело даже не в том, что американское военное присутствие в Ираке может затянуться (особенно с учетом постконфликтных стабилизационных мероприятий) на неопределенный срок и затребовать задействования значительных ресурсов живой силы и техники.

Главное отличие кризиса вокруг КНДР от кризиса вокруг Ирака заключается в том, что иракское руководство и лично С. Хусейн для США считались крайне комфортным противником. В военно-политическом руководстве США считали, что достаточно изучили его и не ожидали активного сопротивления, надеясь на быстрый коллапс иракского режима. Результаты известны – США крайне плохо подготовились к войне с Ираком в военно-политическом и военно-техническом плане и испытали значительные сложности уже на первом этапе боевых действий, оказавшись вынужденными перебрасывать в район боевых действий дополнительные подразделения. А победа была достигнута только благодаря блестящим действиям американских спецслужб, которые смогли обеспечить вывод из войны (в той или иной форме) большую часть высшего иракского командования. США не могут рассчитывать на столь же легкое вхождение в диалог с окружением Ким Чен Ира и командованием северокорейских вооруженных сил.

КНДР, напротив, относится к крайне некомфортным для США противникам, знания о внутренней ситуации в стане которого весьма ограничены, армия которого на порядок более организована и боеспособна, а политическая элита искушена и имеет политическую волю для того, чтобы бороться, тем более, что в Пхеньяне прекрасно понимают, что ставки в нынешней игре весьма высоки – речь идет о выживании северокорейского режима. Причем исторический опыт силовых взаимоотношений между США и КНДР является весьма неоднозначным для американцев – весьма показательным, что США и в более благоприятной для проведения «акции устрашения» против КНДР ситуации Первого корейского ядерного кризиса не решились на какие-либо ограниченные силовые акции или значимые военные демонстрации. Вероятно уже тогда было понятно, что КНДР может пойти на превращение локальной акции в крупное вооруженное столкновение, для которого у США просто не окажется достаточных ресурсов.

Поэтому нельзя исключать, что США не рискнут сразу после операции в Ираке (даже с учетом того, что она завершилась бесспорным успехом) ввязываться в силовую конфронтацию с КНДР и им потребуется существенное время для консолидации ресурсов и формирования по-настоящему мощной коалиции. Поскольку идти на конфронтацию с КНДР в том составе проамериканских сил, которые действовали в Ираке, даже если к ним присоединится Япония (которой крайне трудно будет оставаться в стороне при возникновении действительно жесткого конфликта) было бы самоубийственно.

В то же время очевидно, что США не могут затягивать решение ситуации на Корейском полуострове как в широком смысле слова, так и с точки зрения судьбы северокорейской ядерной программы. Это связано с тем, что возникновение нынешнего кризиса серьезного тормозит главный геоэкономический проект администрации Дж. Буша системные инвестиции в финансовую инфраструктуру восстанавливающейся от кризиса 1997–1998 гг. экономики Восточной Азии, которые смогут создать для США нового, более мощного партнера, нежели Европейский Союз. Однако для того, чтобы реализовать столь крупный проект США должны иметь политический контроль над регионом, основой которого и может стать система коллективной безопасности и контроля над вооружениями вокруг Корейского полуострова. Иными словами, американское руководство чтобы не упустить экономическую инициативу и не дать развиваться неблагоприятным тенденциям в экономике, должно спешить.

Другим фактором неопределенности является позиция стран Европейского союза. Было бы наивно ожидать, что даже те страны ЕС (прежде всего Германия и Франция), которые выступили против операции США в Ираке, выступят с подобных же антиамериканских позиций и в случае с северокорейской ядерной программой, тем более с учетом их геополитического поражения в Ираке и попыток в настоящее время восстановить отношения с США. Поведение наиболее сильных стран ЕС (на расширение присутствия которых в диалоге на Корейском полуострове и рассчитывает Пхеньян) будет зависеть от того, какую позицию займут США отношении европейских стран, бросивших вызов политике США в отношении Ирака. А главное – насколько они смогут сохранить в качестве союзников в ходе иракской войны целый ряд европейских стран. Поскольку даже из стремления дополнительно усложнить положение США и создать дополнительный элемент торговли с американцами, Париж и Берлин не будут углублять раскол в ЕС, который проявился в ходе войны в Ираке, и могут на этом основании либо поддержать силовые акции США на Корейском полуострове, либо занять подчеркнуто нейтральную позицию. Неправильная оценка возможных действий ключевых стран ЕС может оказаться одним из наиболее чувствительных просчетов северокорейского руководства, которое явно рассчитывало на возможность дипломатической игры на европейско-американских противоречиях и на увязание США в войне в Ираке.

Для России в контексте возможного кризиса вокруг северокорейской ядерной программы возникает исключительно сложная ситуация. Она связана с тем, что, с одной стороны, Москва не может самоустраниться от прямого участия в кризисе, объявив его, как это, фактически, случилось с кризисом вокруг Ирака «не нашей войной» и самоустранившись от ситуации, когда поражение С. Хусейна стало очевидным.

Возможный кризис с элементами силовой политики на Корейском полуострове не может рассматриваться в качестве «не нашей войны» хотя бы потому, что происходит вблизи российских границ и любое, даже ограниченное использование ОМУ или даже поражение с использованием обычных вооружений объектов, где сконцентрированы ядерные, химические и биологические компоненты (например, атомные электростанции, исследовательские центры, места складирования компонентов, используемых в производстве ОМУ) неминуемо нанесут серьезный урон экологическому состоянию российского Дальнего Востока. Но самое главное заключается в том, что возникновение очага реального конфликта существенно изменит общий характер внешнеполитической обстановки на Дальнем Востоке. До последнего времени, несмотря на периодические апокалиптические заявления национал-патриотов о возможности утраты контроля над Дальним Востоком, Россия наслаждалась относительно комфортной обстановкой. Возникновение же серьезного кризиса в регионе, который может способствовать изменению безъядерного статуса Японии (имеющей территориальные претензии к России) и неизбежное усиление военно-морского присутствия США потребуют от Российской Федерации принятия определенных мер по укреплению военной инфраструктуры и контроля над миграционными потоками. С учетом исключительно скандальных новостей, которые приходят в Москву с Дальнего Востока, рассчитывать на существенное улучшение положения в регионе и наведения там порядка было бы наивно.

С другой стороны, Россия как государство, политика которого направлена на строжайшее соблюдение норм международного права в вопросах нераспространения ОМУ, не может позволить, чтобы вопрос о подконтрольности МАГАТЭ ядерной программы и положения ДНЯО не являлись предметом политических торгов, и тем более средством выдвигания из богатых стран финансового «вспоможения». Иными словами, Россия, которая, безусловно, совершенно не заинтересована в развитии конфликта по силовому сценарию, ни при каких условиях не должна не только реально быть союзником КНДР, но даже и выглядеть в качестве такого союзника. Это ставит Москву перед необходимостью скорейших жестких мер по восстановлению дееспособности международных организаций и прежде всего МАГАТЭ, интересы которых в сложившихся условиях будут во многом совпадать с интересами России.